

ЕГО ИМЯ ОТКРЫВАЛО ГРАНИЦЫ

Ни одно рискованное дело в искусстве, которое в результате двигало наше искусство вперед, за последние сорок лет не обошлось без Ролана Быкова. Он рисковал десятки раз и всегда выигрывал. Вот некоторые из этих дел: студенческий театр в МГУ, его спектакль «Пушкин» во МХАТе — хотя он был запрещен, но победил в общественном мнении. «Айболит-66», наконец, в котором я тоже

должен был участвовать, но к сожалению, не смог. Это и его роли в «Комиссаре», «Проверке на дорогах», «Служили два товарища», Хрущев в «Серых волках». Это и «Чучело», конечно.

Всегда абсолютный риск и всегда победа! То же самое — создание Фонда детского кино.

Первые чувства сейчас — горечи, потери, утраты. Но есть еще и чувство гордости. Это из нашей страны, из нашего поколения вышел такой великий актер, режиссер и — не побоюсь этого слова — деятель.

● Сергей ЮРСКИЙ

Поезд в Каменец-Подольский приходит на рассвете. Рассвет летом ранний, в это время бы спать да спать... Но не тут-то было. Стук в дверь. Я понимаю, что вернулся из Москвы Ролан. Так бывает каждый раз после его поездки. Двери наших гостиничных номеров расположены рядом, и он, вернувшись, заходит ко мне. Не для того, чтобы сказать «с добрым утром» или рассказать московские новости, а для того, чтобы выплеснуть из себя ушат идей.

На съемочной площадке, кроме партнеров, для Ролана колоссальную роль играла камера, человек, который смотрит через объектив. Ракурс, масштаб изображения, то, как оператор видит... Его пластика всегда согласовывалась с техническими средствами, применяемыми оператором. У него был «роман» с камерой: он чувствовал ее, как чувствуют друг друга любящие, — всем своим существом. Он был поистине сооператором. Я это вижу и в других фильмах, где снимался Ролан.

Вспоминая работу с Роланом, я неизменно возвращаюсь к не вошедшей в монтаж «Комиссара» сцене. Магази́ник рассказывает детям сказку. Или историю — неважно, так как звука нет. Есть только поведение Ролана, его мимика, жестикуляция, выражение глаз. И дети, слушающие отца. Только увидев эту сцену на экране, я понял, что такое артист Ролан Быков.

● Валерий ГИНЗБУРГ, кинооператор

Говорят, что Ролан Быков был человеком сложным. Чего не знаю, того не знаю. Четверть века я знакома с этим человеком. Первая встреча произошла в моем классе. Отлично помню, как он разговаривал с детьми. Как обнимал первоклассника, все никак не понимавшего каких-то ситуаций в его фильме.

— Я много видел умных, знающих детей, но как важно, что ты умеешь сказать: «Я этого не понимаю»...

А потом с именем Быкова начались мои похождения по «горячим точкам». Каждый раз (в течение семи лет) я получала бумагу, которая представляла меня посланцем фонда Быкова. Это был мой талисман. Каким бы грозным ни был солдат на блокпосту, но, увидев имя Ролана Быкова, расплывался в улыбке.

Годы хождений убедили меня, что есть российские имена, которые опасно произносить в тех или иных местах. Имя Быкова оказалось безупречным при переходе любых границ. Имя Ролана Быкова становилось для меня охранной грамотой.

А еще он торопил меня с книгой. Сказал, что найдет деньги. Я все тянула: может, к осени закончу...

— Может быть поздно, — сказал он.

Кажется, он имел в виду финансовые хлопоты.

Оказалось поздно совсем в другом смысле, о котором подумать было невозможно, хотя все мы знали, что он болен.

...Когда от Дома кино двинулся к Новодевичьему черный катафалк, я увидела до боли в глазах знакомую картину, которая повторялась из года в год.

Блокпост. Солдатик (или боевик) читает бумагу. Доходит до имени Быкова и спрашивает, улыбаясь:

— Ой, это правда, что ли, артист? Тогда проходи. И я прохожу.

Новая газета - 1998. - 12-18 окт. - с. 2